

— Я знаю, что ты обижена... но... прошу тебя, Раньжань... —

Хэ Жаньжань лежала на больничной койке и плакала:

— А что мне теперь делать?

— Я все исправлю... обязательно.

— Как ты это исправишь? Деньгами?

Когда Линь Шэнь поднял голову, его уставшие глаза были испещрены красными капиллярами. Он выглядел донельзя хрупким и уязвимым.

— Все, чего ты захочешь в будущем, я тебе дам.

Хэ Жаньжань, глядя на него сквозь пелену слез, прошептала:

— Я люблю тебя.

Линь Шэнь опустил взгляд:

— Раньжань, у меня нет к тебе чувств, быть вместе — значит безответственно относиться к тебе... Кроме этого, я готов на все...

Его тон был твердым, но в то же время исполненным смирения. Хэ Жаньжань знала его характер.

Она беззвучно плакала, лежа на кровати, а на следующее утро сдалась: она пообещала не привлекать его к ответственности и не требовать никакой материальной компенсации.

Чувство вины было слишком тяжелым. Линь Шэнь, с покрасневшими глазами, выкурил одну сигарету за другой.

Днем он отправился к Линь Исину.

Линь Шэнь постучал, Линь Исин открыл дверь.

В следующую секунду Линь Шэнь сбил его с ног и навалился сверху. С красными глазами, не проронив ни слова, он обрушил на Линь Исина град ударов, не сдерживая сил.

Линь Исин не уворачивался.

Бедняга Линь Исин, чьи раны за последние месяцы так и не успели толком зажить, снова оказался на грани новых увечий.

Кулак прошел вскользь у самого глаза Линь Исина.

В этот раз никто не погладит его нежно по лицу, не спросит с гневным, но полным боли и участия видом: Не повредил глаз?

Линь Шэнь даже не спросил, он ли это сделал.

Линь Исин смотрел на Линь Шэня и впервые почувствовал... отвращение. Ему был противен Линь Шэнь.

— Линь Исин, ты, черт возьми, скотина? А? — слезы Линь Шэня падали на лицо Линь Исина, его ярость сменилась опустошенным спокойствием.

Он устал. Тяжесть любви Линь Исина, казалось, была готова раздавить его, а вина перед Хэ Жаньжань высасывала все силы.

Он ведь ничего не сделал, но из-за того, что этот человек его полюбил, он пережил самые мучительные страдания за свои двадцать с лишним лет.

Губы Линь Исина дрогнули, на осунувшемся, неестественно бледном лице блеснула слеза.

Почему он не спросил?

Почему так твердо уверен, что это сделал он?

Неужели в глазах Линь Шэня он уже окончательно заклеимен как отвратительный, эгоистичный, беспринципный негодяй?

— Линь Шэнь... я больше никогда не буду тебя любить.

Больше никогда.

Это слишком больно.

Когда-то он добровольно заточил себя в эту тюрьму, но теперь хотел только одного — сбежать.

Никогда, никогда больше не любить этого человека.

Линь Шэнь посмотрел на него, помолчал пару секунд и наконец, обессиленно произнес:

— Вот и хорошо.

Он поднялся с Линь Исина, и на его лице появилось выражение усталости, не свойственное его возрасту:

— С этого момента наши пути разошлись. Больше мы не увидимся, даже если умрем.

Линь Исин смотрел ему в спину, словно при смерти.

Почему каждый раз именно ему приходится смотреть на уходящего Линь Шэня?

Он смотрел так почти десять лет.

В тот момент, когда Линь Шэнь закрывал дверь, он равнодушно, словно между делом, бросил:

— Найди время сходить к психологу.

Спустя полмесяца Хэ Жаньжань выписалась из больницы.

Она пришла к Линь Исину.

В комнате царил беспорядок, и сам он выглядел жалко. Ее детская обида, можно сказать, была отомщена, не так ли?

— Я не хотела быть такой жестокой, в конце концов, это как победа ценой огромных потерь, — она помолчала и исправилась: — О нет, вернее будет сказать, что я уничтожила себя, чтобы погубить врага. Я сама разрушила свою репутацию.

Она равнодушно смотрела на Линь Исина, но тот ни разу не поднял на нее глаз.

— Если бы ты тогда согласился извиниться, возможно, сейчас я не была бы такой беспощадной.

На мгновение выражение лица Линь Исина изменилось.

— Но ты ни капли не раскаялся в содеянном. Я не святая, я не могу тебя простить. К тому же я люблю Линь Шэнь и не хочу, чтобы он был связан с таким безумцем, как ты. Я завидую тебе. Ты сирота, но получил столько привилегий. У тебя были все возможности, а ты все равно выглядел так, будто никогда не был счастлив. Для меня это было как вызов или удар.

Хэ Жаньжань тихо продолжила:

— В вашем университете есть программа обмена, дядя и тетя уже подали за тебя документы. Конечно, решение за тобой, ехать или нет — зависит только от тебя. Но... Линь Шэнь — это вся моя юность. Оставь его в покое.

А разве для него он не был всей юностью?

Он был единственным светом в его темном мире, единственной опорой, его жизнью.

Линь Исин долго молчал и в конце концов произнес лишь одно:

— Я поеду.

Линь Шэнь подал документы в известный военный институт и успешно поступил.

В середине августа Линь Исин сел на самолет до Америки.

По иронии судьбы, в тот же день Линь Шэнь сел на поезд до военного училища.

Чэнь Цинъюй предлагала ему лететь самолетом, чтобы было удобнее, но он с улыбкой ответил:

— Не нужно, поезд — это отлично. По пути можно полюбоваться красотами нашей страны.

В поезде было шумно, но в душе царил покой. Он проезжал мимо гор, морей, окраин городов.

— Хозяин, ты задумывался о том, что десять лет назад, когда он навредил Хэ Жаньжань, ты без колебаний вызвал полицию? Почему же сейчас, спустя десять лет, ты переступаешь через свои моральные принципы и продолжаешь его защищать?

Линь Шэнь застыл, его лицо оставалось бесстрастным.

— Потому что тогда не было привязанности, а теперь есть десять лет родственных отношений.

— Хозяин, ты хочешь сказать, что если бы это был кто угодно другой, с кем тебя связывают десять лет, ты бы точно так же закрыл глаза на мораль и защищал его? Любой человек заставил бы тебя сделать такой выбор?

Линь Шэнь долго молчал. Он лежал на верхней полке, слушая стук колес и шум пассажиров...

Он не знал, плакал ли он.

Так они и разошлись: один на восток, другой на запад. Тысячи километров и разница в часовых поясах.

Когда Линь Шэнь днем изматывал себя тренировками, Линь Исин ворочался без сна глубокой ночью.

Когда Линь Исин днем работал над проектами с профессором, Линь Шэнь ночью в любой момент был готов вскочить по свистку.

Линь Шэнь оставался беззаботным, а Линь Исин — нелюдимым. Казалось, все осталось по-прежнему, словно ничего не произошло.

Разлука длилась два года.

Два года спустя.

Теплый солнечный свет пробивался сквозь листву высоких деревьев, рисуя на земле причудливые тени, отчего вокруг становилось удивительно спокойно.

По аллее, засаженной сакурой, шли двое мужчин. Их военная выправка и лица, словно сошедшие с обложек комиксов, заставляли прохожих замирать, словно во сне.

— Так вот какой твой родной город, здесь столько красавиц, — сказал мужчина по имени Гу Син, поглядывая на Линь Шэня. — Почему, вернувшись домой, ты выглядишь таким встревоженным?

Линь Шэнь закатил глаза:

— Раз ты такой бодрый, может, не пойдем в больницу?

Гу Син фыркнул:

— Думаешь, я горю желанием тащиться в больницу? Это все из-за того психа Чжао Тина, заставил меня прийти и еще сфотографировать результаты обследования.

Да, Гу Син был геем. И по совместительству соседом Линь Шэня по комнате последние два года. Поначалу Линь Шэнь его избегал, но они быстро нашли общий язык, а поскольку у Гу Сина уже был парень, они стали закадычными друзьями.

Гу Син поставил себе цель «обратить» Линь Шэня и был твердо уверен, что рано или поздно тот станет таким же, как он.

— Признайся, Линь Шэнь, за эти два года сколько раз мы спали в одной кровати, а ты среди ночи прижимался ко мне, как поросенок к капусте...

Линь Шэнь хотел влить ему пощечину, но, вспомнив характер и силу Чжао Тина, трусливо опустил руку.

— Что, боишься? Завидуешь, что у меня есть мужчина, который меня защищает? Подумай сам,

если бы ты был с женщиной, смог бы ты почувствовать, что тебя кто-то оберегает?

— Я мужик, мне еще не хватало, чтобы меня кто-то оберегал! — фыркнул Линь Шэнь.

Не успел он договорить, как резко схватил Гу Сина и потащил в сторону, втискивая в укромный уголок. Все его тело напряглось.

Зрачки Линь Шэня сузились. Он смотрел на мужчину, неспешно идущего по дороге, и ладони невольно вспотели.

Мужчина был в белом халате, солнце освещало его по-прежнему бледное лицо, все то же отсутствие эмоций и холодная, отстраненная аура.

Однако время придало ему какой-то новый оттенок.

Линь Шэнь прищурился.

Что вообще значит любить? Каково это?

Он никогда никого не любил. Будучи сиротой, он окружил себя беззаботностью, казалось, что он ладит со всеми, но в глубине души был холоднее всех.

Если бы его сердце было мягким, два года назад, когда Линь Исин пытался покончить с собой, он, возможно, испугался бы и остался с ним.

Так что, глядя на солнце, он оставался тверд, как сталь.

Не любит — значит не любит, он никогда не станет идти на компромиссы. И никогда не сдастся только потому, что кто-то его сильно любит.

Линь Шэнь сопровождал Гу Сина на обследование, и результат, как он и ожидал, оказался в норме.

— Этот псих Чжао Тин, заставил меня прийти. Видишь, я в порядке, — ворчал Гу Син, хотя на самом деле был счастлив.

Вдруг Гу Син схватил Линь Шэня за рукав и прошептал:

— Я снова видел твоего брата! Идем, проследим за ним!

Он потащил Линь Шэня за собой, тайком следуя за Линь Исином.

Линь Шэнь шел за ним, глядя на спину Линь Исина в белом халате, и чувствовал странную грусть.

Линь Исин, два года не виделись.

Сейчас было шесть вечера. Линь Исин вышел из больницы и сел в серебристый Porsche.

Неплохо устроился, за два года смог купить машину за миллион. Линь Шэнь испытал легкую зависть — он сам два года проторчал в военном институте, еще даже не выпустился, звания нет, живет на деньги родителей.

Линь Исин не заводил мотор, словно кого-то ждал.

Минут через десять к машине подошла женщина в черно-белом длинном платье, перекинулась с ним парой слов и села внутрь.

Линь Шэнь помрачнел. Девушка? У Линь Исина, у которого даже друзей-мужчин не было, появилась девушка...

Пока он стоял в оцепенении, Гу Син поймал такси и затащил его внутрь. Такси следовало за Porsche. Линь Шэнь нахмурился:

— Что ты творишь?

— Посмотрим, что они задумали! Разве тебе не любопытно, кто эта женщина?

Линь Шэнь холодно ответил:

— Это не мое дело.

— Может, это какая-нибудь любовница, которая не знает о существовании тебя — законного супруга, и клеится к твоему брату!

Как только Гу Син это сказал, уши Линь Шэня покраснели. Какие еще супруги, от этих слов стало неловко.

Кто бы мог подумать, что Линь Исин с этой женщиной зайдут в ресторан.

Они ели и непрерывно разговаривали.

Линь Шэнь ковырял свой стейк:

— Скучно, зачем мы следим за чужим свиданием? Поедем домой, я хочу поиграть вечером.

Линь Исин с «девушкой» просидели два часа, не умолкая ни на секунду.

Линь Исин изменился, ведь раньше он вообще не любил говорить.

Гу Син ответил на звонок — его торопил Чжао Тин. Ему пришлось попрощаться с Линь Шэнем:

— Я уезжаю! Он как банный лист, ни на шаг не отпускает.

Линь Шэнь проводил Гу Сина взглядом, затем посмотрел, как Линь Исин с «девушкой» встали, сытые и довольные, и снова сели в машину.

Линь Шэнь поймал такси и продолжил слежку.

На телефон пришло сообщение от Гу Сина: «Шэнь-Шэнь, ты же говорил, что хочешь домой играть, давай позже вместе?»

Линь Шэнь ответил: «Ты играешь ужасно, не хочу с тобой».

Такси остановилось. Линь Шэнь, используя все свои навыки слежки, спрятался и увидел, как они зашли в виллу.

Он стоял у подножия дома, глядя, как в темноте загораются окна.

Было уже девять вечера, совсем стемнело, на небе зажглись звезды.

Осень, вечер, стало прохладно.

Линь Шэнь стоял на ветру, считая звезды, и не сводил глаз с освещенного окна.

Он хотел увидеть, когда эта женщина уйдет.

Или она останется у Линь Исина на ночь?

В комнате.

Сун Чжисин в черно-белом платье достала из сумочки пузырек с лекарством и поставила на тумбочку:

— Это новое антидепрессивное средство, разработанное в Германии, оно показывает отличные результаты в мире. Прекрати пить те таблетки, что принимал раньше, попробуй эти.

— Хорошо, — тихо ответил Линь Исин.

— Судя по нашему разговору, твое состояние — депрессия и аутизм — зашло дальше, чем я думала. Мне любопытно: при достижении определенной стадии депрессии у пациентов возникают сильные суицидальные мысли. Но... кажется, за эти два года ты ни разу не пытался покончить с собой. Если можно, скажи, почему?

Причина...

— Я хочу, чтобы ты пообещал мне: никогда больше так не делай. Иначе Линь Шэнь будет грустить, он будет винить себя и страдать. Если любишь человека, не заставляй его страдать, понимаешь?

— Шэнь-Шэнь... я виноват, я не заставляю тебя страдать...

— Обещай... пообещай, что что бы ни случилось, ты никогда не покончишь с собой, слышишь?

— Слышу, обещаю...

— Ты пообещал мне, значит, никогда не возьмешь свои слова назад, понимаешь?

— Понимаю...

Как бы ни было больно жить, ради Линь Шэня нужно терпеть.

Линь Исин вынырнул из воспоминаний и промолчал.

Сун Чжисин неловко кашлянула:

— Я твой психолог, некоторые вещи не стоит скрывать. Только так я смогу лучше тебя понять и вылечить твою болезнь.

Шэнь-Шэнь просил его сходить к психологу. Он должен вылечиться, стать нормальным человеком, научиться любить, понимать и принимать, отпустить свою одержимость, тьму, эгоизм, отпустить все то, что не нравится Линь Шэню.

Линь Исин открыл рот и рассказал все с самого начала...

Сун Чжисин стояла у окна — этот ракурс позволял снизить психологическое давление на пациента. Но она, будучи проницательной, внезапно почувствовала на себе взгляд снаружи.

Линь Исин закончил, Сун Чжисин дала краткие рекомендации.

Напоследок она спросила:

— Можно я сегодня останусь у тебя?

Линь Исин промолчал, и Сун Чжисин продолжила:

— У тебя тяжелая бессонница последние два года, я хочу понаблюдать за состоянием твоего сна. Некоторые говорят во сне, даже ходят, меняется мимика. Возможно, я получу больше информации.

— Тогда... побеспокою вас, доктор Сун. О цене мы договоримся.

Сун Чжисин начала сеанс психологической разгрузки для Линь Исина, а затем применила гипноз, пока в половине двенадцатого он наконец не уснул.

Затем Сун Чжисин выключила свет.

Линь Шэнь смотрел, как вилла погрузилась во тьму.

Он поднял голову к звездам и усмехнулся самому себе.

Линь Шэнь достал из пачки сигарету, закурил, зажал ее зубами и медленно побрел прочь.

Он увидел бар, зашел, заказал несколько порций крепкого алкоголя и пил в одиночестве.

Что в этом такого? Линь Исину двадцать три года, завел девушку, переспал с ней — разве это не нормально?

К тому же, какое ему до этого дело?

Напившись, Линь Шэнь поймал такси и вернулся домой. Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань сделали ему пару замечаний, он глупо улыбнулся и, пошатываясь, поднялся наверх.

В пьяном угаре он не заметил, как зашел в комнату Линь Исина.

Он почувствовал странный, давно забытый запах. Такой знакомый, такой доводящий до слез.

Время жестоко: оно всегда пользуется своей властью.

Линь Шэнь вернулся домой, потому что в части дали отпуск, но через пару недель нужно было возвращаться. Все это время он просидел в комнате за играми, никуда не выходя.

За день до конца отпуска он пошел в бар. Неизвестно, как Хэ Жаньжань узнала об этом, но она взяла отгул в университете, примчалась в Бэйчэн и пришла в бар.

— Дядя и тетя звонили пару дней назад, сказали, что у тебя плохое настроение. Я взяла отгул и приехала, как только услышала, что ты в баре.

Хэ Жаньжань стала еще красивее, на лице изысканный макияж. Эта женщина превратилась из гадкого утенка в прекрасного лебедя, теперь у нее было все, кроме любви.

Линь Шэнь улыбнулся, его взгляд был затуманен алкоголем, и он говорил без обиняков:

— Ты любишь меня уже много лет?

— Почти двенадцать, — улыбнулась Хэ Жаньжань.

— Тяжело?

Глаза Хэ Жаньжань покраснели:

— Тяжело.

Значит, ему тоже тяжело... Линь Шэнь усмехнулся:

— Тогда зачем ты все еще любишь меня? Мы не виделись два года, ты должна была забыть меня.

Забыла бы. Раньше она готова была умереть, а теперь вот, нашла кого-то другого. Это нормально, никто не станет вечно вешаться на одном дереве.

— Никогда не забывала.

Линь Шэнь поднял бокал:

— Раньжань, не люби меня больше, я того не стою. Я... не стою этого.

Он был бездушным, в глубине души холоднее всех. Тот, кто его полюбит, поистине жалок.

Не зря говорят, что любовь в девяти случаях из десяти приносит страдания.

Напившись, Линь Шэнь вернулся домой. Он снова повалился на кровать Линь Исина, взяв в руки телефон, и набрал номер.

Даже будучи пьяным, подсознание помнило.

Линь Шэнь лежал, прижав телефон к уху.

— Алло? — раздался холодный, официальный голос.

Линь Шэнь не ответил. Он закрыл глаза, на щеках горел алкогольный румянец, казалось, он уснул.

Линь Исин нахмурился, через мгновение снова спросил:

— Алло?

Он уже хотел сбросить этот неизвестный номер, но, как только палец коснулся экрана, замер.

В трубке слышалось ровное дыхание.